

Как гласит старинная мудрость: «Легко найти тысячу изумрудов, но истинное сокровище — редкий красный нефрит». Кто бы мог подумать, что в невзрачном, на первый взгляд, булыжнике таится драгоценный ледяной красный нефрит?

Едва на камне вскрылось первое «окно», Ху Цзюэ понял: находка будет исключительной. Пока шел процесс, он не переставал иронизировать над собой — надо же, вырос среди драгоценностей, а позволил такому невероятному сокровищу уплыть из-под самого носа.

Когда же красный нефрит окончательно предстал перед публикой, молодой хозяин едва не проклял собственное зрение. Ну на что ему глаза, если он не разглядел подобный дар природы? Удача, что в стенах его заведения вскрыли такой раритет, была велика, но осознание того, что камень ему не принадлежит, отзывалось в душе жгучей досадой.

Впрочем, деловая хватка взяла верх. Спрятав сожаления поглубже, Ху Цзюэ расплылся в улыбке и приказал помощникам бить в гонги и зажигать петарды.

Пусть нажива досталась другому, но «Гуаньюань» не останется внакладе: на волне такой рекламы в ближайшие полгода отбоя от клиентов не будет. В деле ставок на камни всегда есть место мистике — здесь важны не только деньги и опыт, но и благосклонность фортуны. Тот факт, что в их лавке выпал такой счастливый жребий, станет неоспоримым преимуществом. Слухи разлетятся мгновенно, и поток покупателей обеспечит им баснословную прибыль.

— Вот это да! — донеслось из толпы. — Посмотрите на него, это же настоящий феникс в скорлупе!

Мастер по вскрытию камней, тяжело и часто дыша от волнения, работал с ювелирной точностью. Его руки не дрогнули — он понимал, что прикосновение к такому редкому материалу станет вершиной его карьеры.

Когда камень омыли чистой водой и мастер бережно протер его мягкой тканью, все присутствующие затаили дыхание.

Красный нефрит, безупречно гладкий и округлый, сиял чистейшим цветом петушиного гребня. Камень был прозрачным, полным «воды» и по размеру превосходил страусиное яйцо.

— Матушка родная, до чего же хорош... Такую чистоту багрянца только на почетное место ставить. Будешь каждое утро смотреть — и душа петь начнет.

— Будь он твоим, ты бы осмелился его на виду держать? — осадил его кто-то.

Оратор тут же прикусил язык. И впрямь: не так страшен вор, как тот, кто постоянно зарится на

чужое.

Среди собравшихся было немало дельцов, и вскоре к Цинь Шу потянулись желающие выкупить находку. Несмотря на молодость, юноша держался с таким ледяным достоинством и властной уверенностью, что никто не смел смотреть на него свысока. С ним говорили подчеркнуто вежливо.

Цинь Шу ответил коротко:

— Не продается.

Продавать такой раритет в сыром виде было бы верхом расточительства. Если доверить его опытному резчику, цена могла взлететь вдвое.

— Господин, не желаете ли заказать обработку? — поинтересовался один из брокеров.

— У меня есть свой мастер, — отрезал Цинь Шу.

Отказ одного не останавливал других — слишком велик был соблазн. Рынок предметов роскоши высшего класса тесен, и обладание подобным шедевром могло намертво привязать к себе самых статусных клиентов.

Ху Цзюэ, видя, что обстановка накаляется, решил вмешаться. Он не хотел, чтобы Цинь Шу нажил себе неприятностей прямо у него в лавке.

— Эту сделку берет на себя «Гуаньюань»! — провозгласил он. — Друзья, проявите уважение, не создавайте суеты.

Семья Ху имела в ювелирном мире громкое имя, поэтому толпа нехотя отступила.

Проводив гостей в свой кабинет, Ху Цзюэ лично разлил чай для Цинь Шу и Ли Суйин. В его глазах читалась надежда.

— Господин Цинь, может, всё же рассмотрите предложение? Уступлю по самой выгодной цене.

Цинь Шу пригубил чай. Насыщенный вкус благородного Дахунпао помог ему расслабиться, а раздражение от назойливости перекупщиков окончательно улетучилось.

— Это подарок для близкого человека. Я не продам его.

Ху Цзюэ понимающе закивал, но не сдался:

— Тогда позвольте нашей мастерской заняться огранкой. У нас работают старейшие мастера, их искусство безупречно. — Он достал телефон и начал показывать фотографии готовых работ.

Цинь Шу лишь мельком взглянул на экран. Технически изделия были выполнены качественно, но в них не было искры, не было новизны.

Устав от бесконечных уговоров, юноша произнес прямо:

— Я намерен сделать всё сам.

— Что?! — Ху Цзюэ от неожиданности едва не вскочил со стула. Он ошарашенно посмотрел на Ли Суйин, и его взгляд буквально кричал: «Твой брат вообще соображает, что несет?»

— Ты же слышал, что говорили брокеры? И они еще занижали цену! Сейчас грамм такого качества стоит от десяти до пятидесяти тысяч. Твой камень — это целое состояние, десятки миллионов юаней, ты хоть понимаешь это?

Цинь Шу остался непоколебим:

— Какой бы высокой ни была цена, это всего лишь камень.

Ху Цзюэ хотел было возразить, но Ли Суйин, оправившись от шока, поспешила вмешаться:

— Если мой брат так сказал, значит, решение принято. Он не набивает цену, так что не трать силы зря.

Ху Цзюэ залпом выпил чашку чая, пытаясь успокоиться. Затем он предпринял последнюю попытку: предложил услуги фирмы по созданию дизайна и чертежей, обещая, что «Гуаньюань» возьмет плату лишь обрезками материала.

Цинь Шу вновь ответил отказом.

— Да почему?! — воскликнул Ху Цзюэ. — Над таким материалом даже профессионалы дрожат. Ты действительно хочешь испортить такую красоту своими руками?

Цинь Шу коснулся пальцем экрана его телефона:

— Ваши эскизы слишком обыденны.

Ху Цзюэ задело за живое. Дизайн его дома считался одним из лучших в отрасли, и он не верил, что кто-то со стороны сможет предложить нечто более выдающееся. Цинь Шу не стал спорить,

но его молчание красноречиво говорило: «Я просто хочу порезать его в свое удовольствие».

Видя такую упрямую непроницаемость, Ху Цзюэ раздосадовался, но редкость камня заставляла его идти на компромисс.

— Слушайте, вы проделали долгий путь. Будьте моими гостями, останьтесь на пару дней, а там обсудим детали еще раз. Идет?

Цинь Шу не любил подобный стиль ведения дел и уже порывался уйти. Ху Цзюэ преградил путь, продолжая настаивать, и атмосфера в кабинете начала ощутимо сгущаться.

Ли Суйин переводила взгляд с одного на другого. Обычно красноречивая, сейчас она не знала, как разрядить обстановку. Всё-таки речь шла о миллионах, и если младший брат действительно испортит камень, будет невыносимо жаль.

— Знаешь, — осторожно начала она, — в каждом деле свои тонкости. Может, и впрямь довериться профессионалам?

Ху Цзюэ с надеждой закивал.

Цинь Шу обвел их взглядом и спросил:

— Есть бумага и ручка?

Не понимая, что он задумал, Ху Цзюэ достал письменные принадлежности. Юноша окинул взглядом кабинет, и его взор замер на полке с камнем Шоушань. Это был кусок среднего размера, весом около ста граммов.

Цинь Шу изучил направление прожилок камня и, приняв решение, произнес:

— Возьмем для примера этот образец.

Ху Цзюэ понял, что Цинь Шу хочет набросать эскиз прямо сейчас.

— Что ж, — согласился он, — посмотрим, чего ты стоишь на деле. Камень хороший, я давно думал, что из него сделать. Если твой эскиз меня устроит, я больше не стану докучать советами.

Дед Цинь Шу был великим мастером каллиграфии и живописи, и юноша с детства впитывал эти знания. Предстоящая задача была для него проще, чем цветочные узоры, которые просила нарисовать кузина. Цинь Шу мог бы исполнить это с закрытыми глазами.

Поначалу Ху Цзюэ не принимал его всерьез. Он знал, что люди из академических кругов часто бывают высокомерны, и ожидал увидеть пару крепких, но любительских штрихов. Однако то, с какой легкостью и изяществом рука юноши заскользила по бумаге, повергло его в изумление. Эта небрежная, летящая манера была признаком истинного таланта.

Ху Цзюэ сразу узнал сюжет: «Тигр, оглашающий горы своим рыком». Классическая тема, древняя, как сам мир. Но поразительно было другое — Цинь Шу создавал образ, идеально вписывая его в форму и природные оттенки камня Шоушань. Это требовало не только навыков рисования, но и глубочайшего понимания природы камня!

Истинные коллекционеры ценят не только стоимость материала, но и его эстетический вес. Почему некоторые лоты на аукционах уходят за сотни миллионов? Не из-за цены нефрита самого по себе, а из-за его добавочной ценности. Эскиз — это душа изделия. Только уникальный замысел способен раскрыть истинную красоту камня. В нем должна быть история, изящество, фантазия и культура — только тогда сердца любителей искусства будут покорены.

Глаза Ху Цзюэ разгорались всё ярче по мере того, как рисунок обретал форму.

— Надо же... в ваших исследовательских кругах, оказывается, водятся настоящие драконы.

Ли Суйин была потрясена еще больше. Она знала, что младший брат прекрасно пишет и обладает глубокими познаниями в классике, но не догадывалась о таком таланте. Она сохранила на лице загадочное выражение, хотя внутри всё пело от гордости.

— Мой учитель, профессор Хэ Миньфан, — настоящий корифей национальной культуры! — заявила она с пафосом. — И хотя мой брат в учениках всего два месяца, он стал самым любимым его последователем. Нам со старшим братом Цзянем до него — как до небес.

Ху Цзюэ почувствовал легкое замешательство. Будущий светило национальной культуры, предающийся плотским утехам в туалете аэропорта... Эта картина никак не желала складываться в единое целое.

Тем временем Цинь Шу закончил набросок. Поскольку он привык работать кистью, некоторые линии, проведенные ручкой, казались ему слишком жесткими, и он остался не совсем доволен результатом.

Но Ли Суйин и Ху Цзюэ застыли в немом восторге. Несколько мгновений они не могли отвести глаз от рисунка, а затем посмотрели на Цинь Шу так, словно он сам был драгоценным слитком.

Юноша остался невозмутим. Он указал на одну из статуэток на полке — «Стрекозу на каменном столбе» — и спокойно заметил:

— Подобные вещи я вырезал еще в десять лет.

Ху Цзюэ: «...»

«О великий мастер, позволь мне преклонить колено».

<http://bllate.org/book/16121/1585109>